

28

Щ 61

Б. ЩЕРБАКОВ

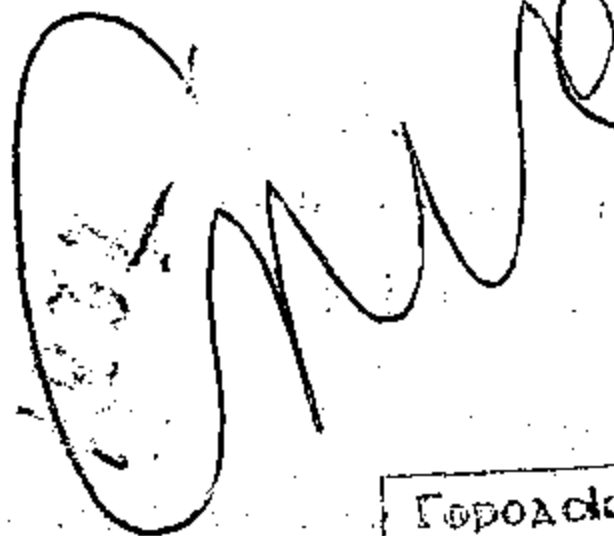
ЖИТЕЛЬ
ЛУННЫХ
ТУГАЕВ.

ЖИТЕЛЬ ЛУННЫХ ТУГАЕВ

Б58879

Городская детская
библиотека № 1
г. Усть-Каменогорск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
АЛМА-АТА — 1976

Щербаков Б. В.
Щ61 Житель лунных тугаев. Алма-Ата,
«Жалын», 1976.
65 с.

Прочтите первую страничку книги «Житель лунных тугаев», и вы поймете, что попали в пленительное царство природы. Автор рассказов, молодой ученый-зоолог Борис Щербаков, отлично знает мир зверей, птиц, растений. И умеет рассказать о нем очень увлекательно. Каждая его строка зовет любить природу, преумножать ее богатства.

57(069)

Щ $\frac{70803-188}{408(07)76}$ 76—215—76

© Издательство «Жалын», 1976

КУЛУДЖУНСКИЕ ЗВЕЗДЫ

День выдался жаркий — нечемдохнуть, ни малейшего ветерка. Листья на деревьях, что подле реки Кулуджун, обмякли, поникли. Казалось, даже сама она, размоленная и усталая, сонно поглядывала сквозь жесткие листья тростников.

Вечерело. Солнце склонилось к горизонту. Похожее на сказочно большого паука, вытканного из огнистых нитей, цепляясь лучами-лапами за голубое полотно неба, оно опускалось за потемневшие пески, куда следом стала стекать небесная синь.

Мы вышли к стану косарей, который находился на ароматном широком лугу. Они отдыхали, лежа на траве. Чуть поодаль от них краснела горсть углей — остатки костра.

Вскоре стемнело совсем. Над примолкшими песками, подступающими к пойме реки, зазвенели голоса насекомых. В их хоре были отчетливо слышны песни цикад. Наперебой стрекотали кузнечики, а совсем рядом, под небольшим кустиком джузгуна¹, монотонно насвистывал одинокий сверчок.

¹ Джузгун — степное растение.

Мужчины лежали молча и, казалось, внимательно слушали вечерний перезвон.

Сероглазый пятилетний Колька обхватил сильную руку отца и, уткнувшись в куртку, пахнущую августовским сеном и солнцем, замер. Потом подвинулся ближе к затухающему костру, обнял руками колени и огляделся. В темном небе над кромкой тростников уже светилась первая звезда. Днем рыжие песчаные сопки, толпившиеся около реки, потемнели, слились. Все заметно изменилось, стало неузнаваемым.

— Папк! По-моему, неправильно кузнечиков называют кузнечиками. Они же не постукивают ножками, а позванивают ими как косами. Их лучше бы назвать косариками. Как, например, вас косарями называют. Ты послушай, как они работают. Тоже, наверное, сено косят...

Отец молчал. Казалось, он сосредоточенно вслушивался в музыку ночи.

— Коля, а это кто поет? — спросил я, кивнув на соседний кустик.

— Сверчок почему-то мне напоминает маленького пастушка, который играет на свирели, — оживился Колька. — Сам играет и, наверное, сам слушает, чтобы не скучно было.

Простенькая песенка одинокого сверчка, казалось, серебристым лучиком тянулась к каждому кусту, к каждой звездочке, придавая особую прелесть теплой августовской ночи.

На разливе реки хрипло закричала утка, а потом было слышно, как вслощившаяся лысуха с криком и хлопанием удирала от кого-то по воде в заросли. Покачивая полукруглыми широкими крыльями, прямо над нами, бесшумно, как тень, пролетела большая высь. В сухом тростниковом валежнике шумела ласка и пищали мыши.

Вдруг с соседнего бархана раздался сдавленный глу-

хой вой. Будто эхо подхватило его, повторяя многократно, извлекая жуткие звуки из самого сердца пустыни.

Да, это были волки. Было похоже, что они выражали неразделимую тоску, жалуясь на волчью жизнь. Ближний зверь сидел на соседнем бархане, и на фоне звездного неба вырисовывался его силуэт: морда задрана, уши прижаты... «Воо-у-у, вууу-а-а».

Нами овладел легкий страх. Даже барханы, как стадо перепуганных овец, казалось, сбежались в кучу, сгорбились. Мы незаметно перешли на шепот. А волки выводили жуткие рулады, от которых кровь стыла в жилах. Лишь на некоторое время замолкали они, чтобы вновь продолжить «исповедь».

Колька прижался к отцу.

— Пап, они на нас могут напасть?

— Да нет, сынок, не бойся...

Прошло еще несколько минут, вой так же внезапно, как и начался, стих. Исчез с бархана волчий силуэт.

Еще некоторое время никто из нас не нарушал наступившей тишины. Только по-прежнему монотонно звенели мириады насекомых.

Темное небо перечеркнула яркая дорожка падающей звезды. Кто-то по-прежнему возился в кустарнике, да не унимался сверчок.

— Ну что, Коля, пора спать?

Колька кивнул головой и молча пошел в балаган, сто-гом темнеющий поодаль.

Прихватив закопченный чайник, с шумом продираясь сквозь тростники, я вышел к воде. В неподвижной глади, как в зеркале, отражалась Вселенная. Прямо у ног в невидимых сетях золотой рыбкой билась лучистая звезда. Зачерпнув воды из Вселенной, вижу, как сказочная рыбка затрепетала где-то на самом дне чайника. А на воде шатается кулуджунское небо.

Утром, когда мы оставляли стан косарей, Колька еще спал и улыбался во сне. Наверное, ему в это время снились не серые волки, а зеленые кузнечики, работающие зелеными лапками, как косари косами на душистых лугах Кулуджуна.

ПЕнь

Это было давно, прежде чем из кедрового орешка вырос, состарился и рухнул кедр-великан. А на том месте, где он стоял, остался пенек-колода. Упавший ствол давно истлел, а трухлявый пенек и поныне стоит. Как и все старые пни, он оделся в зеленую шубу из мха. Много таких пней по тайге. Я прошел бы мимо, не заметив и этот, если бы... Если бы однажды в одну из его трухлявых щелей кедровка или бурундук не спрятали про запас каменистый орешек. Из орешка, как и полагается, выросло пушистое деревце кедра. Пенек преобразился, обрел как бы вторую жизнь. Старый и полуистлевший, теперь дает он жизнь новому, молодому и пока еще слабому растению. Не редкое это явление в лесу: стоят старые трухлявые пни, а на них стройные березки да раскидистые рябины. А один широченный пенек был увенчан черничной шапкой, а на ней елочка, березка, рябина и кедрик. Не пенек, а настоящая лесная клумба — маленькое чудо леса. Не даром у нас на Алтае говорят — наряди пенек, и он красивым станет.

Люди давно заметили лесную подсказку и теперь используют ее в восстановлении ценных кедровых лесов. Только не ждут, когда бурундуки или кедровики посадят кедровые орешки в полусгнившие пни. А когда деревце-пасынок своими корнями к земле пробьется, тогда и пенек ему ни к чему, как яичная скорлупа цыпленку. Так иногда восстанавливаются кедровые леса. К сожалению, другой раз от пня пользы значительно больше, чем от иного человека, который иногда бездумно уничтожает прекрасное.

ПОДРУГИ

На лесном кордоне под самым окном домика лесника стояли береза и ель. Деревья обвились стволами, обнялись ветвями, и получилась большая и красивая крона. Зимой и летом она была одинаково красивой — грустная и нежная, темная и светлая. Только вот деревья, как и лесник дед Игнат со своей подругой жизни Пелагеей Прокофьевной, стали старыми и немощными. Кора на стволах растрескалась, стала шершавой. В кронах торчали обломанные сучья. Разгуляется ветер, и деревья, как две плакальщицы, стонут и скрипят на разные голоса.

Каждую осень, как только начинается ненастье, Пелагея Прокофьевна просит деда Игната, чтобы он срубил деревья.

— Одно уныние, тоска от них на душе. Раньше не замечала, а теперь не могу.

Жаль было старому леснику валить дерево: всю жизнь он берег лес. Да что поделать, и в самом деле прибавляется грусти, когда под окном воет ветер и стонут деревья.

Застучал топор, задрожали кроны. В последний раз протяжно заскрипела береза, затрещал ее болезненный ствол, и она медленно повалилась наземь.

Непривычно одинокой, с опущенными, словно от горя, ветвями, стояла теперь ель.

В эту же ночь над тайгой разбушевалась буря. Привычно шумел и гудел лес. Ветер раскачивал потерявшую опору ель, ломал ее хрупкие ветви, но дерево молчало. Это было непривычно для стариков, чего-то не хватало. И непонятно почему, но грусти прибавилось. Старые не спали, вздыхая, думали о чем-то одном. Но вот глубокой ночью под окном словно кто-то вздохнул и загудела земля...

Утром лесник увидел упавшую ель, лежавшую подле срубленной березы. Не выдержало натиска бури дерево, потерявшее опору и подругу жизни.

БЕЛОСНЕЖНЫЙ ТРОЛЛИУС

Чудесная пора на Рудном Алтае, когда цветут троллиусы или купальницы. Куда ни глянешь — и на подножных лугах гор, и в лесу на полянах — всюду троллиусы. Тьма-тьмушая их на болотах. Оранжевыми кольцами горят они у кромок снежников. Горят и светятся горы, усыпанные яркими цветами. Недаром у нас их огоньками еще называют. И вправду, словно полыхают они в сочной зелени майского луга.

Однажды мы с приятелем, ботаником, на красочной от цветущих троллиусов поляне заметили совсем белый цветок. Все необычное, непривычное привлекает внимание человека. Вот и этот цветок издали увидели. Мой спутник, соблюдая все правила предосторожности, выкопал белый троллиус, а потом посадил его на селекционном участке в Алтайском ботаническом саду.

Много раз впоследствии бывал я в лесу и каждый раз, любуясь цветущими огоньками, пытался найти среди тысяч белый, но не нашел. Редко, но встречаются кремовые, а белые — большая редкость.

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Когда осень приходит в лес, заметить трудно. Но известно, что приходит она задолго до того, как поблекнут деревья и закружатся на ветру разноцветными хоровами листья. Ели и кедры, как всегда, зелены, выглядят свежими и молодыми. А вот лиственницы тронул едва уловимый восковой налет. Пронизанные солнцем, они словно светятся изнутри, кажутся золотистыми. На березах и осинах желтым пламенем вспыхнули, загорелись одиночные листья. Случается, за одну ночь желтеет ветвь, и тогда она становится похожей на желтую косу, вплетенную в зеленый наряд деревьев. Тогда и увидишь,

как с деревьев нет-нет да и полетят первые блеклые листья. С этой поры можно считать, что в лес пришла осень.

Всего несколько дней назад высокие алтайские травы — акониты, кипрей, живокость, борщевики и многие другие — стояли сплошной стеной, а после первых заморозков дружно полегли будто после косовицы. Травы поникли, и лес сразу стал выглядеть что-то утратившим — опустевшим и посветлевшим.

Далеко заметными стали кусты дягиля. На его высоченных стволах вместо белых соцветий, как это было летом, похожих на раскрытые зонты, образовались большие ажурные шары. Каждый такой шар густо увешан округлыми полыми семянками, сравнимыми с медными монетками. Качнет ветер, и они тихо-тихо шелестят, кажется, даже позванивают, а это, напротив, только усиливает ощущение тишины; настораживает и невольно заставляет вслушиваться в загадочные звуки осени.

Но время от времени сторожкую тишину, поселившуюся в осеннем лесу, нарушают крики кочующих кедровок. Вездесущие птицы садятся на вершины деревьев, истерично кричат: «Кррии-и, крраа-а, кррии-и!» Далеко слышно. Откричат и долго сидят молча. Крутят головами, озираются и, похоже, ждут, что кто-нибудь да поблагодарит, скажет слово доброе за такое красивое пение. Но нет. Лес молчит, и никто не восторгается истошным криком. Кедровки чистят пестрое платье, качают роскошными хвостами... Как правило, сделают, непонятно зачем, несколько поклонов и — до свидания: нескладно работая широкими пестрыми крыльями, поднимаются над лесом и скрываются за деревьями.

Разные звуки и шорохи можно услышать в осеннем лесу. Но сильнее всего западает в душу грустный голосок одиноких пеночек-теньковок.

— Фи-ить! — кричит пеночка, и в воздухе мелькает хвостатый лист. — Фи-ить! — повторяет она, и тоненьким

лучиком вспыхивает зацепившаяся за ветку паутина, на которой в полет отправился паучок-странник. И снова тревожно звучит голосок пеночки.

В эту пору вокруг замшелых пней поодиночке и стайками, в разброс и хороводами стоят сыроежки и опята, лисички и волнушки, грузди и маслята. К их липким рубашкам пристали листья и хвоинки. Это делает грибы малозаметными. На мшистой почве встречаются и такие, у которых с шапок зелеными прядями свисает мох. Некоторые с яркой окраской — сыроежки и лисички — далеко заметны; не удержишься, свернешь с тропы, а там другой подвернется, третий — и уведут совсем в другую сторону. Искусно прячутся опята и грузди. Они словно разбежавшиеся и затаившиеся от подружейной собаки перепелята. Попробуй отыскать в лесу такой выводок. Нелегкое, но интересное это дело.

Многое еще можно встретить в осеннем алтайском лесу. А лес день ото дня, с каждым утром изменяется, становится не похожим на вчерашний, как отличаются одна от другой сказки Шахрезады.

КРАСНОЕ, ЖЕЛТОЕ...

Отзвенело, закатилось лето. Солнце завернуло на осенние тропы и заскользило скуными лучами по золотистым полям. Над прозрачными горными озерами закружились пушистые предрассветные туманы, забелив колючим инеем землю.

Наступила алтайская осень. То бродит она по горным склонам, то, притаившись в траве, поджигает разноцветными огнями красок кроны деревьев. В полдень в бездонном хрустальном небе серебрятся спутанные нити паутины. Все замерло, насторожилось. Ни голоса, ни шороха. А если вслушиваться станешь, кроме ударов собственного сердца, ничего не услышишь.

Но налетит ошалелый ветерок, и шорох падающих листьев переходит в однотонное шипение. Затрепещут, запылещут на ветру багряные осины, вспыхнут холодным пламенем, застучат жесткие листья о жесткие ветви. Умчится ветер — и опять безмолвие. Можно сидеть и по шороху считать опадающее золото осеннего леса. Считай — не просчитаешься.

Во весь голос кричу: «Ого-го-о!» Звук преломляется, ударяясь о невидимые стены, и эхом отдается непонятно где. Но что это? Совсем рядом, негромко, но часто-часто стучит: тук-тук-тук. Ну, конечно, это он, дятел! Как можно тише крадусь на стук. Всматриваюсь в просветлевшие кроны осин и замечаю у самой вершины одной из них среди неподвижных листьев яркий огонек — красное, желтое, красное, желтое... Бабочка? Нет. Оказывается, это отдельные листочки осины ни с того, ни с сего начинают трепетать, постукивая о веточки.

Вот один из них сорвался и, мелькая красным и желтым боками, мягко шлепнулся в студеную гладь воды. Теперь он похож на крошечное солнце.

Вдруг где-то далеко вверху раздается: «Кияу-кияу». На ровном зеркале воды замечаю тень хищной птицы. Это канюк. Распластав широкие крылья, он плывет куда-то далеко-далеко. Проходят минуты, и в голубой тишине снова слышатся загадочные перестуки листьев, и снова я вижу красное, желтое, красное, желтое...

БУКЕТ

Светлые теплые дни отступившего лета словно оказались отгороженными от нас заснеженными вершинами гор. Рыжеволосые, сгорбившиеся копы и стожки разбрелись по скошенным лугам. Глубокая осень — романтическая пора и необыкновенно грустная страница большой книги — Природы.

Иду по косогору — желтым-желто. Зеленая травинка в эту пору — большая редкость. Смотришь на нее как на какое-то чудо. Однако в полегшей траве замечаю похожий на упавшую звезду цветок голотелы. Васильковым глазом смотрит он в остывшее небо. Другой раз бы мимо прошел, не заметил, а теперь он воспринимается совсем иначе, наивный взгляд его действует чарующе. Не рву для дома букетов, жаль цветов, а тут не устоял, все равно замерзнет. Чуть дальше наткнулся на другой, этот походит на большую ромашку — невяник. У всех окружающих его собратьев лепестки уже опали, усыпав подле себя землю. А этот каким-то чудом уцелел и теперь стоит, далеко заметный. На нем бабочка, крылья ее обтрепаны. Оцепеневшими от холода ножками крепко держится она за желтый ворс тычинок, словно решила умереть среди лепестков.

На краю серой рощицы желтым факелом горит соцветие золотой розги. Редкое явление — цветы перед снегом! У меня уже целый букет — три огрубевших холодных стебелька. Последний осенний букет: три цветка — голубой, желтый и белый — живая память об ушедшем лете. Голубой — как летнее безоблачное небо; как животворные лучи солнца — желтые, а белые лепестки невяника, легкие и нежные, как крылья бабочки.

Дома этот маленький букет я поставил в стакан с водой. Цветы повеселели и дружно повернули свои головки к светлому окну, за которым низким кругом проходит уставшее солнце.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Всю ночь бушевала вьюга. Глухо шумела и стонала тайга. Перестоявший кедр, нависший над таежной избушкой, натужно скрипел. К утру метель переметнулась к горным вершинам, где еще долго вулканами взрывались

сталкивающиеся снежные вихри. Последние утренние звезды погасли. Укрыв под подолами отступающий мрак, черные пихтачи погрузились в глубокую тишину. Наступил холодный рассвет. Вскоре небо очистилось, но слюдяная изморозь не переставая сыпалась с неба, одевала искрящейся мишурой утренний лес.

Что может быть лучше лыжной прогулки в просыпающемся лесу! То сухо скрипит, то почти шипит снег. Лыжня то и дело пересекает замысловатые вязи звериных следов. Где-то в гуще пихтачей копошатся и тонко переговариваются проснувшиеся птицы.

У опушки, забитой снегом, утонув по плечи, выглядят причудливые пни. Темные и трухлявые, они сейчас нахлобучили пышные снежные шапки. У одних они по-детски надвинуты на глаза до самого носа, у других лихо заломлены набекрень. Солнце почти у вершины полукруга зимнего пути.

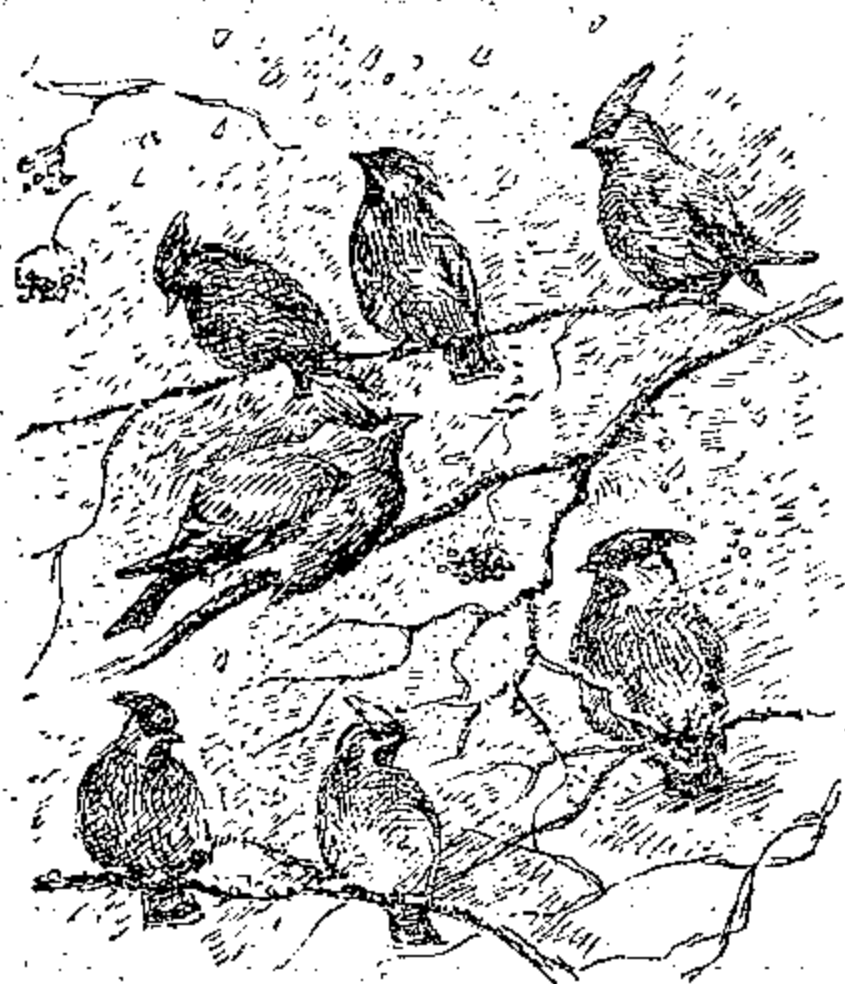
На соседнем пне, ни дать ни взять, — птица. Кургузая и головастая — на сову похожая. Снежный сычик. У него из снега лапки, из снега крылья, и весь он из снега. Даже веки покрыты пушистыми снежинками. Спит снежный сычик и, наверное, видит холодные зимние сны. Тут же, в гуще ветвей, глухарь. Это тоже снежная птица. Крылья ее распластаны, голова запрокинута, будто ранена. Вглядываюсь в снежные комья, свисающие с ветвей, застрявшие среди сучьев, и вдруг замечаю соболя. Зверь словно приготовился к прыжку — лапы поджаты к морде, сам плотно прильнул к ветке. Выдает призрачность зверька только отвисший хвост: того и гляди отпадет. Соболю тоже белый, тоже слепленный из снега. А рядом с ним — снежная черепашка и снежный человечек.

Много еще зверюшек и птиц, знакомых и диковинных, загадочных разгледел я в заснеженном лесу. Все они белые, пушистые, все недотроги. Кто их усадил, развесил, кто такими хрупкими смастерил из снежинок? Словно по лесу прошла этой ночью лесная волшебница и подарила

ему снежную сказку. Не дрогнет ветка, чтобы не испортить снежной сказки — фантазии лесной волшебницы, чудесной ваятельницы.

Все в нашем мире рождается, живет и умирает. Вот и на этот раз вьюга неожиданно спустилась с гор. Взорвался и разлетелся в пыль снежный ком, упав с вершины самой высокой пихты. Еще и еще взрывались и рассыпались серебристым облаком снежные куклы, сидящие на деревьях. Вдруг у глухаря отпало и рассыпалось в воздухе крыло, и птицы сразу же не стало. Уронил свой хвост соболь, и зверь исчез. В снежную пыль обратился человек, куда-то унесло черепашку. В клочья разлетелся забавный сычик. Ветер развеял снежную фантазию, и сказки сразу не стало.

Снова шумит и тяжело вздыхает под напором ветра тайга. Над вершинами пихтачей метель машет седыми крыльями. С голодным завыванием лижет трухлявые пни, замечает звериные следы, забивает глаза. Опять всю ночь будет натужно скрипеть у таежной избушки кедр.

СВИРИСТЕЛИ

Зима. Суровая, но необыкновенно красивая она на Рудном Алтае. В морозной тишине отчетливо слышен каждый шаг. Холодными искрами вспыхивают мохнатые ветви, увешанные колючими снежными кружевами. Красиво, но холодно и неуютно под небом. Все живое попряталось, притихло.

Стою на берегу, люблюсь красотой, а кругом тишь, ни души. Вдруг слышу прерывистое верещание, словно многоголосый ручеек снежную толщу пробил. Это на серебряные ветви тополей опустилась большая стая свиристелей. Они тихо переговаривались между собой, словно совещались о чем-то серьезном и тайном, не желая нарушать морозной тишины. Птицы прилетели на водопой.

Свиристели — северяне, но видно, что снегу предпочитают воду. Распушились от мороза и похожи на шелковистые шары розоватого цвета. Некоторое время они перелетали с веток на ветки, сшибая с них мягкий студеный убор. От реки полз холодный туман и время от времени скрывал сидящую стаю.

Птицы, как видно, не обращали внимания на столь суровую обстановку и не прекращали «разговора». А некоторые даже поднимали кисточки хохлов и пытались ухаживать за подругами. В легком танце с приседаниями они прыгали друг против друга. После недолгих минут проявления взаимной симпатии свиристели спланировали к дымящейся реке и стали жадно пить ледяную воду.

Утолив жажду, они снова расселись на деревьях, на их самых верхних ветвях, и все повернулись к бледному солнцу. Свиристели походили на важных бояр, одетых в большущие тулупы и разомлевших после обильного чаепития.

Из клубящихся паров Иртыша появляется еще стая. За ней другая, третья, и уже на деревьях сидят сотни свиристелей. Заводят оживленный разговор. Под их тяжестью гнутся мохнатые ветви, сыплется кухта и седыми струйками повисает в воздухе.

Похоже, каждая птица старается держаться как можно важнее, будто все только на нее и смотрят. Каждая поднимает хохол, кланяется, в одно мгновение прижимает его к головке и фальцетом высвистывает мелодичную скороговорку. Точно все свиристели настраивают свои голоса, как музыкальные инструменты. На несколько секунд

гомон стихает. Затем вновь морозный воздух наполняется верещанием. Стая за стаей взмывает и исчезает в холодном тумане.

Трудно зимой прокормиться свиристелям, аппетит у них отменный. Сядет большая стая на отяжелевший от ягод куст калины или рябину и начинает заглатывать холодные, как леденцы, ягоды. А через несколько минут остаются только голые ветви. Этим самым свиристели и полезны — в их желудках переваривается только мякоть ягоды. Косточки выбрасываются наружу и, конечно, в самых различных местах, ведь где только они ни бывают во время зимних странствий! А где утеряна косточка, там на следующую весну разовьется побег нового растения. Вот и получается, что свиристели являются сеятелями кустарников, ягоды которых так нужны им зимой. Сами сеют, сами убирают урожай.

В ЦАРСТВЕ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Я остановился у столпившихся елей посреди сверкающей от света и снега поляны. Под подолами их роскошных кафтанов прятался голубой мрак. Прошлой ночью шел снег, и теперь на ветвях висели и сидели странные зверюшки, и тишина — в ушах звенит!

Красиво, но мертво. «Как в царстве снежной королевы», — подумал я. Но что это? У снежного кома, что рядом, вдруг появились живые темные глаза. Гляжу и не верю: снежный ком и вдруг — живые глаза! А они внимательно смотрят на меня. Вот один мигнул, потом другой, затем оба сразу, и вслед за этим повернулась большая круглая голова, — ни дать, ни взять, настоящая снежная кукла.

Я узнал крупную ночную хищницу — длиннохвостую неясыть. Если у большинства сов глаза злые — желтые, зеленоватые и оранжевые, то у нее — темные, добрые.

Некоторое время пристально смотрим друг на друга. Голова совушки — будто по-старушечьи закутана в пуховую сибирскую шаль. Снежной она казалась не только из-за своего светлого оперения, но еще и потому, что была покрыта инеем.

Вдруг ее внимание привлек конец лыжной палки, которой я нечаянно пошевелил. Сова широко открыла глаза, уставилась — не моргнет.

Стал я тогда двигать палкой: ее конец то спрячется, то вынырнет из-под снега, точно мышь. Совушке понравилась эта шутка, и, обо мне забыв, стала она глазами гоняться за «мышкой». Играем, как давно знакомые. Признаться, ей скорее надоела эта нехитрая игра. Снова смотрим друг на друга, будто в гляделки играем.

Тут уж я не выдержал и говорю: «Ну что ты так смотришь?» Моя молчаливая собеседница резко повернула голову, очевидно, собираясь нырнуть в лесную чащу. Но, видимо, передумала, и снова на меня смотрят блестящие глаза. Однако стоило мне сделать шаг в ее сторону, как легкой тенью метнулась она среди стволов и тут же села. С ветвей поплыл снег, и на голове птицы выросла снежная шапочка. Теперь совушка походила на кокетливую модницу.

Вижу, стала она поудобнее устраиваться. Прижалась к стволу боком, решила досмотреть свой птичий сон.

«Спокойной ночи, лесная красавица!» — сказал я ей, уходя.

„Я ЗДЕСЬ, А ВЫ?“

Над алтайской тайгой гуляла снежная буря. Мохнатые кедры, словно боясь упасть, отчаянно махали ветвями, как руками. Осыпаемый снегом, лес шумел, и время от времени сухими выстрелами щелкали отломившиеся сучья. Старые ели тоскливо и скрипуче переговаривались. Сплошной однотонный шум, и ни одного голоса, ни одного следа, словно в тайге все вымерло.

Вдруг прямо над головой я услышал тонкий, почти мышинный писк: «Цить-цить». На елке копошилась обычная птичка хвойных лесов — гаичка. Она суетилась, то и дело перепархивая с ветки на ветку, и, как намагниченная, с разлету прилипала к ним снизу. Еще раз пискнув, она исчезла в густой кроне кедра. Однако тут же с другой стороны послышался точно такой же писк. Я повернулся в надежде увидеть еще одну гаичку. Однако по стволу дерева вниз головой быстро спускался поползень. Не успел я убедиться, поползень ли так пищит, снова слышу знакомый голосок. Теперь на ветке недалеко от меня сидела крошечная синица-московка. Маленькая, вертлявая, она топорщила перышки на голове и то одним, то другим глазком посматривала в мою сторону.

Ничего не понять! Птицы разные, а голос один и тот же.

А за спиной снова знакомый писк. Кто же еще пожаловал?

Обладателем знакомого голоска оказался королек. Называется корольком, а сам в полете словно бабочка махаон. На голове этой птицы успеваю различить ярко-желтую полосу.

Оказывается, здесь кормилась смешанная стайка зимующих насекомоядных птиц. Перепархивая с ветки на ветку, с дерева на дерево, они не спеша продвигались по лесу. И каково же было мое удивление, когда с таким же писком в стайке появилась еще одна лесная проныра-пи-

щуха. Тонким, слегка изогнутым клювом, похожим на шильце, она прощупывала щелки в шершавой коре дерева, словно не доверяя своим маленьким глазкам.

Все эти птички зимой в поисках корма обычно образуют смешанные стайки, кочующие по лесу. Компанией веселее. Да и безопаснее. Стоит одной заметить неладное, как сейчас же она поднимет переполох, а остальные уже готовы спрятаться. Чтобы во время странствий по зимнему лесу не потеряться, они и переговариваются: «Цить-цигь», что, пожалуй, означает: «Я здесь, а где вы?»

Один и тот же позывной крик у этих пичуг — не случайное явление. Не исключено, что он был выработан за века их совместного пребывания зимой. Вот и получается, что издревле эти пичужки вместе коротают трудное время.

Иногда в смешанных стайках кочуют дятлы. Им с пернатой мелочью выгодно дружбу вести. И мелюзге пожива: раздолбит дятел трухлявый пенек, сдерет с лесины потставшую кору, а там — спрятавшиеся насекомые и их куколки. Добычу покрупнее дятел сам выберет, а всякую шестиную мелочь другим оставит. А они тут как тут — остатки с дятлова стола подбирать. Если же случится, что где-то пернатый и четвероногий хищники затаятся, вездесущие синицы да поползни наверняка заметят. Знать дадут. Поэтому и дятлу хорошо быть вместе с ними.

С крутого склона горы сполз верхний слой земли, обнажив кусок глинистой почвы. Здесь пробился родничок, да такой маленький, будто из пипетки выступает капелька за капелькой. А ведь это он увлажнил почву, из-за него и оползень получился. Вскоре на обнаженной глине заблестела лужица. Рядом речка шумит, воды сколько хочешь. А вот бабочки облюбовали лужицу. Одна к другой вплотную садятся. Так много, что бережков не видно, будто они разноцветными лепестками обросли.

Присаживаюсь на корточки, наблюдаю, как бабочки воду пьют. Они расправляют хоботок — спиральку и с его помощью жадно сосут влагу, помогая при этом взмахами крыльев. Похоже, что каждому взмаху соответствует глоток. Взмах — и глоток, взмах — и еще глоток. Пьют подолгу, много, точно из безводной пустыни слетелись.

Утоляющие жажду бабочки на время теряют бдительность, и мне удастся потрогать их крылья. Вот белые с темными крапинками — это боярышницы. Рядом — желтые крылья лимонницы. А эти поменьше — голубого цвета, похожие на незабудки, крылья голубянки. Разве всех перечислишь: темные крылышки с белыми пятнами, красные с черными, с черточками, точками и кольцами. Zalюбуешься! Даже глазок лужицы, поголубевший от чистого неба, не моргнет, будто боится посмотреть это чудесное зрелище — разноцветное махровое кольцо бережков.

Осторожно вытягиваю руку, на бабочек падает тень. Над лужицей шелестят крылья и на мгновение рождается цветная метелица, даже в глазах рябит. Подхваченные легким ветром бабочки разлетаются. Осиротела оголенная лужица. А немного погодя сюда вновь начинают слетаться жаждущие. Напившись цветочного нектара, они непременно сворачивают к крошечной лужице и вновь бережки ее обрастают лепестками разноцветных крыльев.

ШМЕЛЬ

Весенним днем я бродил вокруг горного озера, раскинувшегося в сосновом бору. Лед на водоеме растаял, и над его гладью, оглушая воздух сильным карканьем, кружились чайки и крачки. На горных склонах перестукивались дятлы и перекликались синицы. В смолистом воздухе, настоявшемся на хвое, беспрестанно гудели насекомые. Суетилась, торопилась жизнь.

У кромки берега на воде я заметил какое-то маленькое существо. Подошел ближе и узнал шмеля. Мокрый и бессильный, он пытался взлететь. От крыльев по воде разбегались тонкие кольца ряби. Целым роем под ним вились рыбешки, но схватить, по-видимому, побаивались. Зачерпнув пригоршню воды, я выплеснул на берег шмеля. Черный и желтый густой шерстистый покров делал его похожим на крохотного косматого щенка. Он тяжело дышал и дрожал от холода. А когда обсох, принялся приводить себя в порядок. По-кошачьи, передними ножками он тер глазастую голову, задними протирал и расправлял крылья. При виде протянутой к нему руки он поднимал передние ножки, словно просил о пощаде. А через несколько минут в ответ на этот жест принял угрожающую позу. Казалось, что это крошечное существо, похожее на собачонку, вот-вот зарычит, залетит звонким лаем. Пришлось оставить его в покое.

Я продолжал наблюдать, как шмель приводит себя в порядок. Он спокойно, деловито расчесывал лохматые бока, разглаживал узловатые усы и усиленно протирал крылья. Но вот засуетился и... раз-два — загудели, засверкали как стекла крылья. Некоторое время он работал ими сидя на земле, затем оторвался и стрелой взмыл в надозерную синь, торопясь по своим шмелиным делам.

КТО РАЗБУДИЛ ТИШИНУ

Рассветало. Но в лесу, окутанном густым туманом, было по-прежнему мрачно и сыро. Ни единого звука. Натянутая над тропкой сеть паука от сырости разбухла и, отяжелев, обвисла. Вдруг где-то недалеко послышалось тихое «зи-зи-зи». Было похоже, что кто-то осторожно пытается распилить тишину.

Среди разлапистых ветвей кедров суетились две проснувшиеся синички-гаички. Они трясли повлажневшими крылышками и тихо переговаривались: «Зи-зи-зи». К их вкрадчивым голосам прибавлялся еще один — побойчее, похожий на постукивание о наковальню серебряного молоточка: «Динь-динь-динь». Это запела пеночка-теньковка. А вскоре и солнце проснулось, поднялось над лесом. Туман потянулся кверху и, слегка порозовев, стал редеть. В березовой роще неожиданно закуковала кукушка. Ее кузина — глухая кукушка, жительница темнохвойного леса, словно недовольная всем этим шумом, глухо, по-старушечьи забубнила: «Уб-уб-уб». А на лесистом склоне уже вовсю стучат дятлы, суматошатся дрозды и поют зяблики. Даже такой «певец» как коростель-дергач, которому, как говорят, медведь на ухо наступил, тоже не выдержал: кричит, надрывается на сыром лугу: «Тррак-тррак».

В лес пришло утро. Все оживо. Росистый луг играет огоньками росинок, сыплет искры серебристая паутина. Шумит, звенит лес. Это гаички разбудили тишину.

ОЛЯККИН ДОМ

В тесном лесистом ущелье оглушительно шумела небольшая горная речушка. Над ее пенистыми волнами то и дело вспыхивали маленькие радуги. Наверное, очень давно в этом месте через речку перекинулась старая, истлевшая на корню ель. Прошло много времени, прежде чем у ее

ствола отвалились ветви, и теперь поперек речки лежит замшелое полузатопленное бревно, с которого свисает прозрачный как стекло небольшой водопад. Вода чистая, льдистая — речка алтайская, из-под белков течет. Белками у нас называют снежники, что не тают в горах круглый год. Время от времени на каменистом ложе речушки гулками перестуками начинают переговариваться камни. Говорить станешь — собственного голоса не услышишь.

Но что это? Среди шума воды вдруг звонко и мелодично зазвучал голосок птички. На полузатопленной коряге посреди бешеного потока я увидел кургузую пичугу. Оляпка. Она походила на двухцветную резиновую игрушку, сшитую из двух половин: верхняя — черная, а нижняя — светлая. Толстененькая и кругленькая, как шарик, а из шарика — торчком хвост-коротышка. Забавная. Снова звучит голосок, и певунья, обдаваемая разлетающимися брызгами, задевая брюшком ершистые волны, стремительно летит к водопаду. Ткнулась в его струи и исчезла. Прошло несколько минут, а бесстрашной птицы не видно.

Неужели сшибло ее этим бешеным потоком и унесло? Вот незадача!

Жаль стало оляпку. Но как только я ступил на затопленное бревно, из-под него, как мыши, выскочили две оляпки, с трескучими криками помчались над самой водой и скрылись за елями.

За водопадом в полусгнившем бревне, среди мрака и сырости, оказалось их гнездо. Необычный дом у оляпки — вместо крыши над головой водяной поток бурлит, где стены — тоже вода, а вместо веранды гнутая струя водопада. У кого еще такой дом сыщешь? Хищникам к нему не добраться. Да и кто узнает, что там гнездо! Не раз я проведывал оляпкин дом, и всегда, прежде чем приблизиться к гнездышку, приходилось принимать ледяной душ. Не каждый раз наберешься смелости ее дом навестить и в гостях не засидишься.